БЕНКЕНДОРФЪ И ДУБЕЛЬТЪ.

Съ ИМЕНАМИ такихъ дѣятелей, какъ графъ А. Х. Бенкендорфъ и Л. В. Дубельтъ неразлучно связана масса анекдотовъ, разсказовъ, преданій—устныхъ и печатныхъ, большею частью невыгодныхъ для ихъ памяти. Общество, относясь непріязненно къ сферѣ служебной дѣятельности того и другого, охотно, безъ всякой критики, вѣрило всякимъ вымысламъ и клеветамъ, распускаемымъ про нихъ, и невольно составило себѣ о графѣ Бенкендорфѣ и о Дубельтѣ понятіе, какъ о какихъ-то инквизиторахъ, чуждыхъ всякаго проблеска человѣческихъ чувствъ. Было время, когда всякое слово, сказанное въ защиту этихъ двухъ лицъ, могло только запятнать самого защитника, навлечь на него подозрѣніе въ раболѣпствѣ, или въ близости къ бывшему III Отдѣленію...

Я хочу привести здѣсь нѣсколько анекдотовъ о графѣ Бенкендорфѣ, свидѣтельствующихъ о его добрыхъ и благородныхъ чувствахъ, при чемъ прошу извиненія у читателей, что вынужденъ коснуться нѣкоторыхъ собственныхъ, семейныхъ воспоминаній и своей ничтожной личности.

Покойный отецъ мой, П. А. Каратыгинъ, нынѣ забытый, но, въ свое время, извѣстный водевилистъ и актеръ, былъ лично извѣстенъ, именно, только съ этой стороны графу Бенкендорфу, который бывалъ у насъ въ домѣ, какъ добрый и любезный знакомый. Когда, въ 1830 году, отецъ мой отдалъ на сцену первый свой водевиль—«Знакомые незнакомцы», имѣвшій блестящій успѣхъ и особенно понравившійся императору Николаю Павловичу, — Бенкен-

дорфъ, встрѣтивъ моего отца у графа Василія Валентиновича Мусина-Пушкина, сказалъ ему глазъ на глазъ:

— Государю очень понравился вашъ водевиль, и вы, если хотите, можете много выиграть и въ мнѣніи его величества и въ вашей авторской карьерѣ. Вставьте въ вашъ водевиль куплетъ патріотическаго содержанія по поводу нынѣшнихъ событій (польскаго мятежа и недавней холеры въ Москвѣ). Если сердце подскажетъ вамъ слово въ похвалу государю,—это не повредитъ эффекту на публику. Подумайте о моемъ предложеніи и дня черезъ два дайте отвѣтъ...

Молодой, только-что начинавшій водевилистъ, при всей своей любви къ государю,—можетъ быть, именно, вслѣдствіе этой любви,—не рѣшился профанировать своихъ патріотическихъ чувствъ, выставляя ихъ на показъ передъ театральною публикою и превращая ихъ въ орудіе собственныхъ выгодъ и неизвѣстныхъ ему видовъ графа Бенкендорфа. Отправясь къ нему, отецъ мой смѣло и рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, говоря, что водевиль свой считаетъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы вставлять въ него куплетъ съ напоминаніями о царѣ и отечествѣ.

Графъ Бенкендорфъ пристально посмотрѣлъ на отца, потомъ, протянувъ ему руку, сказалъ:

— До сихъ поръ я васъ любилъ какъ человѣка талантливаго, а теперь уважаю, какъ человѣка честнаго.

Таковы были отношенія графа Бенкендорфа къ моему отцу и иныхъ сношеній съ III Отдѣленіемъ, кромѣ предъявленія своихъ пьесъ на одобреніе цензуры, отецъ мой никогда не имѣлъ. Точно также и Л. В. Дубельтъ зналъ его лично, любилъ какъ артиста и писателя—и только. Эти пріязненныя къ нему отношенія сановниковъ, занимавшихъ важный постъ въ государственной администраціи, дали моему отцу возможность знать о графѣ Бенкендорфѣ и о Л. В. Дубельтѣ нѣсколько анекдотовъ, въ которыхъ они являлись въ весьма выгодномъ для нихъ свѣтѣ, какъ люди съ добрымъ, благороднымъ сердцемъ. Порицатели ихъ памяти могутъ, пожалуй, сказать, что добрыя качества были въ нихъ въ пропорціи ложки меду къ бочкѣ дегтю; но медъ все же останется медомъ.

Всѣмъ извѣстно, что когда графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, вступая въ свою должность, спрашивалъ у императора Николая Павловича руководящихъ инструкцій—государь, подавая ему свой носовой платокъ, сказалъ:

— Вотъ тебѣ всѣ инструкціи. Чѣмъ болѣе отрешь слезъ этимъ платкомъ, тѣмъ вѣрнѣе будешь служить моимъ цѣлямъ!..

Впослѣдствіи времени изъ этого платка сплели жгутъ и имъ же завязывали слишкомъ говорливые рты; но въ данныхъ случаяхъ главную роль игралъ произволъ лицъ, стоявшихъ во главѣ III Отдѣленія, и избытокъ усердія ихъ низшихъ агентовъ.

Въ началѣ 1830 годовъ, вскорѣ послѣ польскаго мятежа, въ III Отдѣленіи была масса дѣлъ о политическихъ преступникахъ. При ежедневныхъ о нихъ докладахъ графомъ Бенкендорфомъ, императоръ Николай Павловичъ самъ полагалъ о нихъ рѣшенія. Съ перваго же дня воцаренія государя—мятежъ былъ его ненавистнымъ кошемаромъ, и Николай бывалъ неумолимо строгъ во всѣхъ приговорахъ. Всякое ходатайство и смягченіе участи заговорщиковъ, или мятежниковъ, могло только пуще разгнѣвать государя. Кромѣ ссылки, виновные подвергались одиночному заточенію въ казематы Петропавловской крѣпости «подъ нумера»: лишенные именъ они записывались подъ №№ карцеровъ, подъ которыми были извѣстны коменданту; они, какъ бы вычеркивались изъ списковъ живыхъ людей. Случалось, что при какомъ либо докладѣ графа Бенкендорфа, государь постановлялъ о политическихъ преступникахъ два-три подобные приговора. Бенкендорфъ, не возражая ни слова, убиралъ подписанныя бумаги въ портфель и уходилъ.

— Исполнено ли все вчерашнее?—спрашивалъ его государь на другой день.

— Не все, ваше величество!—отвѣчалъ графъ.

— Какъ, не все?—восклицалъ государь.—Высочайшія повелѣнія исполняются въ двадцать четыре часа.

— Изъ вчерашнихъ приговоровъ исполнены тѣ, по которымъ преступники вполнѣ заслужили постигшее ихъ наказаніе,—но, эти два приговора, постановленные вами, государь, слишкомъ строги, и наказаніе «подъ нумера» превышаетъ вину преступниковъ. Зачѣмъ ожесточать людей? Зачѣмъ возбуждать напрасный ропотъ? Ненавистниковъ у васъ, государь, и безъ того слишкомъ много...

— За то другъ—одинъ!—отрѣчалъ императоръ, обнимая Бенкендорфа.—И спасибо тебѣ!..

И государь, отмѣняя прежнее рѣшеніе, постановлялъ другія, значительно смягченныя.

Вотъ почему бронзовый бюстъ графа Бенкендорфа, послѣ его кончины, находился въ кабинетѣ императора Николая I въ числѣ бюстовъ и портретовъ членовъ августѣйшей фамиліи, гдѣ находится и понынѣ, на каминѣ, въ ногахъ желѣзной кровати, на которой скончался Николай Павловичъ.

Помимо агентовъ, въ числѣ лицъ, близкихъ къ III Отдѣленію, находились лица принадлежавшія къ высшимъ классамъ общества и къ міру литературному и ученому, державшіе себя въ обществѣ, разумѣется, настолько осторожно, что никто не могъ ихъ заподозрить въ шпіонствѣ. Наоборотъ: въ обществѣ встрѣчались люди, слывшіе за шпіоновъ, но не имѣвшіе, однако, съ III Отдѣленіемъ ничего общаго. Таковы были покойные Гречъ и Булгаринъ. Ни шпіонами, ни агентами-подстрекателями (agents provocateurs) ни тотъ, ни другой никогда не бывали и доносами не занимались: они

ухаживали за П. Х. фонъ-Фокомъ и Л. В. Дубельтомъ ради смягченія цензуры и кой-какихъ льготъ по изданію «Сѣверной Пчелы». Къ графу Бенкендорфу не только по своимъ литературнымъ, но, въ послѣдній годъ жизни—и по семейнымъ дѣламъ обращался и Пушкинъ, изъ чего вовсе не слѣдовало, что бы и онъ былъ агентомъ III Отдѣленія: онъ находился какъ бы подъ опекою графа Бенкендорфа, по высочайшему повелѣнію; Гречъ и Булгаринъ [1]) сами лѣзли подъ эту опеку. Булгаринъ, трусъ по природѣ, ограждая себя отъ подозрѣній правительства и всячески выставляя себя патріотомъ и вѣрноподданнѣйшимъ, дружилъ съ чиновниками всѣхъ экспедицій III Отдѣленія и съ жандармскими офицерами. Л. В. Дубельтъ любилъ подтрунивать надъ Булгаринымъ и третировалъ его, какъ третировали Тредіаковскаго при дворѣ блаженной памяти Анны Іоанновны. Чуть, бывало, Ѳаддей Венедиктовичъ расчувствуется и зажужжитъ въ своей «Пчелѣ» диѳирамбы правительству—его просятъ пожаловать къ Леонтію Васильевичу.—«Не смѣй хвалить: въ твоихъ похвалахъ правительство не нуждается». «Будируя» правительство, Булгаринъ дерзнетъ дозволить себѣ крохотную либерально-консервативную выходку, хотя бы о непостоянствѣ петербургской погоды,—новая нахлобучка.—«Ты, ты, у меня!» грозитъ Леонтій Васильевичъ,—«вольнодумствовать вздумалъ? О чемъ ты тамъ нахрюкалъ? Климатъ царской резиденціи бранишь? Смотри!» Однажды, Булгаринъ какой-то статьей навлекъ на себя неудовольствіе государя. Николай Павловичъ приказалъ Дубельту сдѣлать Булгарину «родительское увѣщаніе». Призвали редактора «Сѣверной Пчелы» къ Леонтію Васильевичу.

— Становись въ уголъ! скомандовалъ онъ Ѳаддею.

— Какъ, ваше превосходительство?

— Какъ школьники становятся: носомъ къ стѣнѣ.

Булгаринъ повиновался и полчаса простоялъ въ углу.

Разсказывая о Дубельтѣ, мы нарушили хронологическую послѣдовательность; о немъ рѣчь еще впереди. Возвращаемся къ воспоминаніямъ о графѣ Бенкендорфѣ.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ департаментовъ, служилъ въ числѣ канцеляристовъ чиновникъ Покровскій—пожилой, почтенный семьянинъ, добрѣйшій и честный человѣкъ. Курить въ присутственныхъ мѣстахъ было тогда строжайше воспрещено, и мы, молодежь, уходили «курнуть», кто на черную лѣстницу, а кто въ швейцарскую. Сюда набиралось иногда человѣкъ 10—15; шли веселые разговоры, шутки, смѣхи и т. д. Сюда же заходилъ иногда и Покровскій, но долго не засиживался,

---

[1]) О подробностяхъ его отношеній къ шефу-жандармовъ мы разсказали въ его біографіи («Русскій Архивъ» 1883 года) и въ предисловіи къ письмамъ П. А. Каратыгина («Русскій Вѣстникъ» 1880 годъ).

и, выкуривъ папироску, спѣшилъ въ присутствіе на верхъ. Какъ-то при немъ, по поводу проѣхавшаго мимо окна жандарма, между нами, молодежью, зашла рѣчь о III Отдѣленіи. Либеральничанье было тогда въ большой модѣ, и мы пустились въ росказни о всякихъ небылицахъ, ходившихъ тогда въ обществѣ изъ устъ въ уста; кто-то сталъ бранить, тогда уже умершаго, графа Бенкендорфа. Сидѣвшій поодаль, Покровскій подошелъ къ намъ и кротко сказалъ:

— Господа, я не агентъ III Отдѣленія; разъ, во всю мою жизнь, имѣлъ тамъ дѣло, именно, при графѣ Александрѣ Христофоровичѣ... Ради Бога, не порочьте его памяти: онъ былъ моимъ благодѣтелемъ; ему я обязанъ спасеніемъ моей чести и самой жизни!

Мы пріумолкли, а Покровскій, безъ всякой съ нашей стороны просьбы, разсказалъ слѣдующее:

— Двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1832 году, когда я былъ еще молодъ и холостъ, служилъ въ Капитулѣ и жилъ на Захарьевской улицѣ, сосѣдомъ моимъ былъ одинъ чиновникъ (фамиліи не скажу), жившій съ женою и дочерью черезъ три дома отъ меня. Съ дочерью я познакомился — и очень коротко. Почему я за нее не посватался? этотъ вопросъ къ дѣлу не идетъ: жениться на ней я не могъ по многимъ уважительнымъ причинамъ, да и она сама не домогалась этой чести. Отецъ и мать на столько предоставили ей свободу, что она выходила изъ дому, когда вздумается, и гащивала у знакомыхъ на Петербургской сторонѣ и на Острову сутокъ по пяти. Съ своей стороны, отецъ и мать уѣзжали къ роднымъ въ Кронштадтъ, откуда возвращались, обыкновенно, на слѣдующій день. Этотъ складъ домашняго быта моихъ сосѣдей, намъ, съ ихъ дочерью, былъ очень съ руки, и она посѣщала меня довольно часто. Самъ я жилъ на собственной квартирѣ (не въ комнатѣ отъ жильцовъ), и занималъ двѣ комнаты съ кухнею; прислуги не держалъ, а уходя на службу, или куда нибудь въ гости, запиралъ свою квартиру на ключъ и на висячій замокъ. Домъ былъ чистый, дворникъ исправный.

Разъ, въ началѣ сентября, 1832 года, именно, 5 числа, въ день тезоименитства великой княжны Елисаветы Михайловны (присутствія не было) утромъ, часу въ десятомъ, ко мнѣ пришла моя пріятельница-сосѣдка, и объявила, что отецъ и мать уѣхали до завтра въ Кронштадтъ; цѣлый день былъ въ нашемъ полномъ распоряженіи. Погода была ясная, теплая. Напившись чаю, мы отправились съ нею вдвоемъ на Безбородкину дачу; тамъ, въ скромненькомъ ресторанѣ, пообѣдали, еще погуляли, покатались въ лодкѣ, по Невѣ, и вернулись домой въ сумерки, болѣе потому, что погода нахмурилась и накрапывалъ дождь, иначе мы хотѣли поѣхать въ театръ. Прійдя ко мнѣ домой, сосѣдка, ссылаясь на усталость, расположилась по домашнему, и прилегла на диванъ отдохнуть. Я ушелъ въ кухню ставить самоваръ. Онъ вскипѣлъ, я заварилъ

чай и подхожу къ спящей, чтобы ее разбудить... Ну-съ? А она—мертва!

Разсказчикъ поблѣднѣлъ, отеръ съ лысины капли пота, а съ глазъ—слезы.

— Вы—люди молодые,—продолжалъ онъ, обводя глазами внимательныхъ слушателей, — пусть каждый изъ васъ поставитъ себя на мое мѣсто. Дѣвушка, которую я, по своему, любилъ; съ которой такъ безпечно-весело провелъ цѣлый день; которая еще за полчаса смѣялась, шутила... поставила на мой столъ въ стаканъ воды осеннихъ астръ, сорванныхъ въ саду на дачѣ—внезапно заснула сномъ непробуднымъ! Это—дѣло души и чувства; а нравственная—юридическая стороны вопроса? Стыдъ, срамъ, позоръ покойницы, слѣдствіе и неизбѣжное мое увольненіе отъ службы и, что весьма легко могло быть—ссылка!

— Не вѣря глазамъ, я старался привести покойницу въ чувство: давалъ ей нюхать спиртъ, полилъ ей всю голову одеколономъ, раздѣлъ, приложилъ къ ногамъ кувшинъ налитый кипяткомъ... Только тратилъ время... Наконецъ, вполнѣ убѣдясь, что она умерла, я схватился за голову и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Мнѣ было всего двадцать пять лѣтъ, у меня была своя будущность, свои надежды, мечты—и все прахомъ пошло!..

— Не помня самъ, что дѣлаю, я погасилъ свѣчи, накинулъ шинель, нахлобучилъ шляпу, заперъ свою квартиру и побѣжалъ—куда глаза глядятъ. Шумѣлъ порывистый, морской вѣтеръ, шелъ проливной дождь,—я бѣжалъ по набережной, спотыкаясь, скользя по мокрому тротуару, шлепая по лужамъ... Остановился я на крутомъ Прачечномъ мосту у Лѣтняго сада, гляжу на волны и думаю: да не по кончить ли? Жизнь ошельмованнаго тошнѣй смерти. Но порывъ вѣтра какъ бы оттолкнулъ меня отъ парапета, и я едва не скатился со ступень моста на тротуаръ набережной Фонтанки и побрѣлъ къ Цѣпному мосту... Иду, вижу двухъэтажное казенное зданіе съ крытымъ подъѣздомъ, у котораго стоятъ два жандарма; въ окнахъ яркій свѣтъ. Тутъ, точно мнѣ самъ Господь внушилъ: «Чѣмъ бѣжать отъ суда, иди и повинись самъ». Я смѣло подошелъ къ подъѣзду.

— Могу ли видѣть графа Бенкендорфа? спрашиваю жандарма.

— Пожалуйте къ дежурному полковнику.

Онъ ввелъ меня въ сѣни, потомъ въ дежурную комнату.

— По какому вы дѣлу? спросилъ меня дежурный полковникъ.

— По весьма важному,—отвѣчалъ я дрожа отъ лихорадки,—но объяснить его желаю самому графу.

Полковникъ осмотрѣлъ меня сурово съ головы до ногъ. Съ грудью измоченною дождемъ, забрызганный грязью, безъ галстуха, я былъ похожъ на человѣка, вырвавшагося изъ рукъ мошенниковъ, либо и самъ выглядѣлъ мошенникомъ.

— Выпейте воды, успокойтесь,—сказалъ полковникъ.—Я пойду, доложу.

Я присѣлъ на диванъ; ноги у меня подкосились, голова кругомъ шла.

Минутъ черезъ пять, длиннымъ корридоромъ, полковникъ ввелъ меня въ кабинетъ шефа-жандармовъ. За письменнымъ столомъ сидѣлъ небольшого роста, нѣсколько сутуловатый, пожилыхъ лѣтъ генералъ, лысый, съ бѣлокурыми съ просѣдью волосами, маленькими усиками и рѣдкими бакенбардами; лицо маленькое, въ морщинахъ, глаза прищурены.

— Что вамъ угодно? ласково спросилъ онъ меня, приподнявъ немного зеленый колпакъ у лампы и направляя свѣтъ мнѣ въ лицо.

— Ваше сіятельство,—началъ я, задыхаясь,—прежде всего клянусь вамъ Богомъ и честью, что скажу вамъ сущую правду!

Графъ слегка усмѣхнулся.

— Я буду говорить,—продолжалъ я, съ трудомъ ворочая пересохшимъ языкомъ,—такъ какъ бы говорилъ на исповѣди—духовнику, или самому государю.

— Говорите.

Я разсказалъ свою исторію съ самаго начала; но когда дошелъ до страшной катастрофы, то невольно зарыдалъ.

Бенкендорфъ минуты двѣ пристально смотрѣлъ на меня и его худенькое, морщинистое лицо постепенно измѣняло выраженіе: угрюмое и строгое сначала, оно становилось ласковѣе и, наконецъ, посвѣтлѣло доброю улыбкою.

— Вотъ икона,—сказалъ онъ, мотнувъ головою въ уголъ кабинета,—а здѣсь портретъ императора. Берете ли вы Бога и царя въ свидѣтели, что вы сказали мнѣ сущую правду?

Опустясь на колѣна, я перекрестился на образъ и протянулъ правую руку къ царскому портрету.

— И я вамъ вѣрю, сказалъ Бенкендорфъ.—Встаньте и слушайте внимательно, что я буду говорить.

Онъ позвонилъ. Вошелъ жандармскій полковникъ.

— Проказитъ наша молодежь, — сказалъ графъ, указывая на меня. За три дома отъ г. Покровскаго живетъ чиновникъ (такой-то) съ женой и дочерью. Часа три тому назадъ, у самаго своего дома онъ встрѣтилъ эту дѣвицу, ей было дурно, она шаталась. Юноша, желая ей помочь, впопыхахъ, вмѣсто того, чтобы отвести ее къ ней домой, привелъ къ себѣ,—а она скончалась черезъ нѣсколько минутъ. Думалъ услужить и попалъ въ бѣду. Возьмите доктора и поѣзжайте втроемъ къ нему на квартиру; сообщите отъ насъ Кокошкину, а отцу и матери дайте знать въ Кронштадтъ по телеграфу [1]) о постигшемъ ихъ несчастіи.

---

[1]) Телеграфы по казеннымъ дѣламъ существовали тогда, но были старой системы Шаппа д'Отроша—оптическіе.

— Ваше сіятельство!! вскрикнулъ я, невольно бросаясь къ Бенкендорфу.—Какъ благодарить, какъ благословлять васъ!..

— Не за что, не за что! улыбнулся онъ.—Но впередъ не помогайте больнымъ барышнямъ. Какъ видите роль «доктора по неволѣ» очень тяжелая и драматическая. Идите съ Богомъ.

Докторъ констатировалъ по осмотрѣ трупа, а на другой день по его вскрытіи, что смерть послѣдовала отъ аневризма. Изъ моей квартиры покойницу перенесли въ квартиру ея родителей. Старики, разумѣется, были въ отчаяніи, и—къ крайнему моему смущенію—благодарили меня за участіе, принятое въ ихъ горѣ. Меня полиція не тревожила; репутація покойницы была спасена, и это печальное дѣло оставалось въ стражайшей тайнѣ между мною и графомъ Бенкендорфомъ... Не поминайте же его лихомъ, по крайней мѣрѣ, при мнѣ.

Подобный случай былъ, вѣроятно, не единичный. Графъ обладалъ необходимою въ его должности способностью, съ годами удивительно развивавшеюся,—угадывать человѣка по выраженію лица и голоса. Искреннее, задушевное слово всегда находило доступъ къ его слуху и—сердцу; лукавство и притворство, ложныя клятвы и увѣренія—никогда не имѣли передъ нимъ успѣха. Какъ онъ, такъ и Л. В. Дубельтъ, презирали доносчиковъ-любителей, зная очень хорошо, что въ рукахъ подлецовъ доносъ, весьма часто, бываетъ орудіемъ личной мести самому честному и благонамѣренному человѣку. Доносы безымянные почти всегда оставлялись безъ послѣдствій; именные и личные подвергались строжайшей повѣркѣ и если оказывались справедливыми — доносчики всегда обманывались въ расчетахъ, получая вознагражденіе не соразмѣрное ихъ усердію. Л. В. Дубельтъ при выдачѣ денежныхъ наградъ — десятками или сотнями рублей, придерживался цифры—трехъ... «Въ память тридцати серебренниковъ!» пояснялъ онъ, шутя, въ кругу короткихъ знакомыхъ. О его воззрѣніяхъ на доносчиковъ-любителей даютъ ясное понятіе два слѣдующіе случая.

Какой-то студентъ, явясь въ III Отдѣленіе, донесъ, что онъ напалъ на секту скопцовъ, тайно пропагандирующихъ свое гнусное ученіе. Дѣйствительно, онъ познакомился съ какимъ-то старикомъ, жившимъ на Выборгской сторонѣ и склонявшимъ его къ переходу въ ихъ братство. Нельзя было не обратить вниманія на доносъ и предатель уговорился съ агентами, чтобы они, оцѣпивъ домъ сектатора, схватили у воротъ—старика съ молодымъ человѣкомъ въ студентской формѣ. День этотъ былъ роковой: обманывая сектатора, студентъ обѣщалъ ѣхать съ нимъ на Малую Охту и тамъ подвергнуться «душеспасительной» операціи. Размѣстились агенты вокругъ дома и предатель вошелъ въ ворота къ старику. Все было готово къ отъѣзду, но старикъ сказалъ своему неофиту:

— Чадо! ѣхать въ формѣ тебѣ неловко будетъ; переодѣнься-ка въ русское платье.

Студентъ, чтобы не навлекать подозрѣній, переодѣлся въ сибирку, лисью шубу и бобровую шапку; подали карету—сѣли и покатили!

Опустилъ онъ стекло, кивалъ, дѣлалъ знаки агентамъ — тѣ и ухомъ не ведутъ. На Воскресенскомъ мосту онъ изловчился выскочить изъ кареты и опрометью побѣжалъ къ Цѣпному мосту.

— Помилуйте, ваше превосходительство! возопилъ онъ къ Дубельту—меня чуть-чуть не изуродовали!

— Чуть-чуть—не считается,—отвѣчалъ Леонтій Васильевичъ,—во всякомъ случаѣ вы дѣло свое сдѣлали и заслуживаете награды. Вотъ вамъ триста рублей, но, согласно волѣ государя императора, оставьте университетъ и—милости просимъ къ намъ—юнкеромъ въ жандармскій дивизіонъ.

Награда соотвѣтствовала заслугѣ: государь не хотѣлъ оставить доносчика въ средѣ студентовъ.

Герценъ, питавшій во все продолженіе своей жизни непримиримую ненависть лично къ императору Николаю Павловичу, его правительству, вообще, а къ III Отдѣленію въ особенности, съ похвалою отзывается въ своихъ «Запискахъ» о Л. В. Дубельтѣ. Онъ отдаетъ справедливость его уму и благородству. Похвала несомнѣнно безпристрастная. Сосланный въ Вятку, онъ черезъ нѣсколько времени просилъ чрезъ III Отдѣленіе о разрѣшеніи ему, по дѣламъ, пріѣхать въ Петербургъ. Это было ему разрѣшено. Въ бытность Герцена въ столицѣ произошелъ казусъ довольно скандальный въ лѣтописяхъ петербургской полиціи: будочникъ, стоявшій у Синяго моста, ночью, зарѣзалъ и ограбилъ какого-то прохожаго. Это позорное событіе не было оглашено въ газетахъ (чтобы не подрывать въ жителяхъ столицы довѣрія къ полиціи и безъ того имъ антипатичной), но о немъ говорилъ весь городъ. Герценъ, гдѣ-то въ гостяхъ, упомянувъ о будочникѣ-грабителѣ, замѣтилъ, что полиція отбиваетъ хлѣбъ у мошенниковъ, соперничая съ ними по ремеслу. На другой же день его пригласили въ III Отдѣленіе.

— Ну, напроказили?—встрѣтилъ его Дубельтъ.—Извольте ѣхать обратно въ Вятку.

— Что же я напроказилъ?

— Говорили вчера про будочника у Синяго моста?

— Объ этомъ говоритъ весь городъ. Нельзя же за это выслать весь Петербургъ въ Вятку.

— Конечно, нельзя; но что дозволяется туземцамъ, того не дозволяется пріѣзжимъ изъ ссылки, особенно лицамъ въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ вы. И какая не осторожность! Вамъ-то, кажется, надобно умѣть держать языкъ за зубами. А то въ большой компаніи ругаете полицію, косвенно правительство затрогиваете; точно не знаете, что у насъ, изъ десяти человѣкъ собравшихся вмѣстѣ, всегда выищется какой-нибудь мерзавецъ-доносчикъ.

Дубельтъ занималъ должность начальника штаба шефа-жандармовъ при графахъ Бенкендорѣ и А. Ѳ. Орловѣ. Это была замѣчательная личность во многихъ отношеніяхъ: прекрасно образованный, прозорливый, умный и отнюдь не злой души человѣкъ, онъ, по должности имъ занимаемой и, отчасти, по наружности былъ предметомъ ужаса для большинства жителей Петербурга. Его худощавое лицо, съ длинными сѣдыми усами, пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ имѣли въ себѣ что-то волчье. Ироническая усмѣшка и язвительность при разговорѣ съ допрашиваемыми пугали тѣхъ, къ которымъ была примѣнима пословица: «на ворѣ шапка горитъ»; но для литераторовъ, артистовъ, художниковъ и, вообще мирныхъ гражданъ, Леонтій Васильевичъ былъ человѣкъ привѣтливый, ласковый и обязательный. Театръ любилъ онъ страстно, питая къ молоденькимъ актрисамъ, въ особенности къ балеринамъ, юношескую нѣжность. Вообще, въ отношеніи прекраснаго пола Леонтій Васильевичъ напоминалъ волокитъ и повѣсъ (les roués) временъ регентства. Дружный съ директоромъ театровъ А. М. Гедеоновымъ, да и, по должности своей, имѣя свободный доступъ во всѣ театры, Дубельтъ часто посѣщалъ театральное училище и тамошніе домашніе спектакли. Въ тѣ времена цензура театральныхъ пьесъ и самая сцена были подвѣдомственны III Отдѣленію—и, потому писавшіе для театра часто обращались къ Л. В. Дубельту по дѣламъ касательно пропуска къ представленію ихъ произведеній. Одинъ изъ водевилей П. А. Каратыгина, отданный имъ въ цензуру, невѣдомо по какимъ причинамъ долго не получалъ разрѣшенія, а, между тѣмъ, приближалось время бенефиса. Артистъ обратился къ Леонтію Васильевичу. Приказавъ принести рукопись къ себѣ въ кабинетъ, Дубельтъ взглянулъ на заглавіе, прочелъ послѣдней куплетъ и собственноручно написалъ, что пьеса одобряется къ представленію.

— Довѣряю тебѣ вполнѣ,—сказалъ онъ Каратыгину,—и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ буду смотрѣть на представленіе твоего водевиля.

Впрочемъ, при тогдашнихъ строгостяхъ цензуры, Дубельту, по неволѣ, случалось требовать отъ авторовъ измѣненій въ ихъ пьесахъ согласно цензурнымъ требованіямъ. Однажды, цензоръ въ какой-то пьесѣ П. И. Григорьева зачеркнулъ фамилію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, по той причинѣ, что ее носилъ очень важный сановникъ. Замѣну фамиліи другою предоставили на выборъ самому автору. Явясь къ Дубельту, Григорьевъ засталъ его готовящимся выѣхать и, чтобы не задерживать Леонтія Васильевича, говорилъ идучи съ нимъ по лѣстницѣ. Онъ не протестовалъ на замѣну одной фамиліи другою, но говорилъ, что какую фамилію ни выдумай въ пьесѣ, или въ романѣ, непремѣнно отыщется человѣкъ, въ дѣйствительности носящій эту фамилію.

— Полно, другъ любезный,—возражалъ Леонтій Васильевичъ,— да я тебѣ сочиню сотню фамилій, по названію любыхъ предметовъ. Вотъ, напримѣръ, Лѣстницынъ...

Въ это время въ сѣняхъ у входныхъ дверей стоялъ какой-то купецъ—проситель, отвѣшивавшій глубочайшіе поклоны Дубельту.

— Вы, по дѣлу?

— Такъ точно, ваше превосходительство...

— Приходите завтра, къ десяти часамъ. Фамилія?

— Лѣстницынъ.

Дубельтъ, взглянувъ на Григорьева, расхохотался:

— Пожалуй, что ты и правъ! Какую фамилію ни выдумай, непремѣнно въ кого нибудь да попадешь!..

Въ 1840 годахъ, не столько талантомъ, сколько миловидностью и «галантерейностью обхожденія» славилась на здѣшней французской сценѣ нѣкая m-lle Пажъ. Она обогащалась сама и обогащала скандалезныя лѣтописи Петербурга своими похожденіями съ богатой молодежью и пожилыми сластолюбцами. Содержалъ ее богачъ банкиръ Гар...кель, родомъ изъ іерусалимскихъ дворянъ — рябой, чудовищно-безобразный; но благосклонностью ея, кромѣ «папаши», пользовались очень многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ, конечно, не безплатно. Какъ-то г. Гар...кель, прямо съ биржи пріѣхалъ къ Пажъ и провелъ у нея время до слѣдующаго утра. Уѣзжая домой, онъ хватился своего бумажника съ 20,000 рублей: бумажникъ исчезъ. Банкиръ спрашиваетъ Пажъ, она отвѣчаетъ, что знать не знаетъ. Взбѣшенный еврей бросился къ Дубельту съ жалобою. Выслушалъ его Леонтій Васильевичъ, на другой же день вызвалъ къ себѣ и истца и отвѣтчицу. Явились г. Гар...кель и мамзель Пажъ, закутанная въ дорогую турецкую шаль. Очень любезно принялъ ее Леонтій Васильевичъ и безъ всякихъ допросовъ и распросовъ, относясь къ покражѣ бумажника, какъ къ несомнѣнно совершившемуся факту, сталъ убѣждать актрису возвратить его банкиру.

— Но вѣдь онъ пробылъ у меня до утра! нагло возразила красавица.

— Завидую ему!—отвѣчалъ Дубельтъ,—но сумма-то такая грандіозная...

Вскинувъ на генерала своимъ безстыдными, но, тѣмъ не менѣе, прелестными глазками, m-lle Пажъ сказала съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Сличите же и сравните насъ, т. е. меня и этого стараго орангутанга! Надобно же себѣ знать цѣну...

При этихъ словахъ, Пажъ, сбросивъ шаль, по поясъ обнажила свои роскошныя плечи, грудь и спину.

— Такова я! сказала она.—Могу ли же я расточать человѣку, похожему на обезьяну, мои ласки безплатно?

— Юридически она права,—сказалъ Дубельтъ Гар...келю, — на красоту таксы нѣтъ.

Еврей отказался отъ всякаго взысканія, но, разумѣется, разстался съ дорогой красавицей.

Ободренная успѣхомъ, французская Фрина пуще прежняго стала обирать своихъ поклонниковъ. Въ числѣ ихъ, подъ стать фамиліи Пажъ, былъ нѣкій камеръ-пажъ, знатной, графской фамиліи, слабоумный юноша лѣтъ девятнадцати. Не довольствуясь подарками въ видѣ браслетовъ, брошекъ и фермуаровъ, актриса задумала сорвать съ своего юнаго обожателя кое-что посолиднѣе.

— Я слышала,—сказала она ему однажды въ интимной бесѣдѣ, когда онъ въ восторгѣ лежалъ у ея ногъ,—что у твоей maman есть знаменитые фамильные брилліанты, которые она надѣваетъ разъ въ годъ. Правда?

— Правда. Они достались ей отъ прабабушки.

— Твоя maman въ Михайловскій театръ никогда не ѣздитъ... Не можешь ли ты достать ихъ мнѣ, только надѣть на сценѣ? Я надняхъ играю герцогиню въ новой піесѣ и мнѣ хотѣлось бы пустить пыль въ глаза моимъ соперницамъ. Мнѣ, понимаешь ты, эти бриліанты нужны только на одинъ разъ, а на другой день я ихъ тебѣ возвращу.

Камеръ-пажъ тихонько добылъ бриліанты своей матери и привезъ къ актрисѣ. Пажъ вышла въ новой своей роли, вырядившись въ фамильныя драгоцѣнности графины С... Публика была въ восторгѣ отъ игры... брилліантовъ. На другой день, когда юноша пріѣхалъ къ актрисѣ за брилліантами, она хладнокровно, съ безстыдствомъ, отвѣчала ему:

— Да, вѣдь, ты ихъ мнѣ подарилъ!

Тщетно юноша просилъ, умолялъ, настаивалъ. Пажъ рѣшительно отказалась возвратить брилліаты и, наконецъ, выгнала его вонъ. Несчастный любовникъ въ отчаяніи вернулся домой, упалъ на колѣни передъ матерью и признался ей во всемъ. Старая графиня обожала своего сына. Она гораздо болѣе ужаснулась при видѣ его отчаянія, нежели при вѣсти объ исчезновеніи брилліантовъ. Мужъ графини поѣхалъ къ Дубельту и сообщилъ ему о нагломъ мошенничествѣ, жертвой котораго сдѣлался его сынъ.

Пажъ была призвана къ Леонтію Васильевичу, который вмѣстѣ съ приказаніемъ немедленно возвратить брилліанты, объявилъ ей, что за совращеніе не совершеннолѣтняго и слабоумнаго, она въ обмѣнъ на свой паспортъ, получитъ впредь до выѣзда своего за границу—«цвѣтной билетъ» отъ врачебно-полицейскаго комитета.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчала Пажъ.

Отъ театра, однако же, она не была уволена; окончила срокъ своего контракта и, затѣмъ, уѣхала на родину.

Строгій—и, при случаѣ, неумолимый, Дубельтъ при допросахъ

и при объявленіи рѣшеній позволялъ себѣ иногда иронизировать— не надъ личностью призванныхъ къ отвѣту, но надъ самою сущностью ихъ проступковъ.

Проживалъ въ Петербургѣ молодой лифляндскій баронъ, не желавшій знать и вѣдать, что Лифляндія, еще со временъ Петра Великаго, присоединена къ Россійской имперіи, и что всѣ бароны, риттеры и бюргеры подданные императоровъ. Молодой баронъ, дерзкій и заносчивый на словахъ, вездѣ и всюду, не стѣсняясь бранилъ правительство, позволялъ себѣ злословить государя и— (хотя Николай Павловичъ никогда не обращалъ на то никакого вниманія) не кланялся государю при встрѣчахъ съ нимъ. Въ одно прекрасное утро баронъ получилъ приглашеніе отъ Дубельта. Не ѣхать было нельзя, хотя барону этого крайне не хотѣлось, однако, поѣхалъ.

Леонтій Васильевичъ встрѣтилъ его отмѣнно вѣжливо и любезно; усадилъ, предложилъ сигару и началъ:

— Любезный баронъ, я долженъ вамъ сказать, что государь въ большомъ горѣ. Царствуетъ онъ уже одиннадцать лѣтъ, шестьдесятъ милліоновъ подданныхъ имъ довольны, никто не жалуется; одни вы, баронъ, браните его за всѣ распоряженія. Неудовольствіе такой особы очень, очень прискорбно государю, и онъ долго недоумѣвалъ чѣмъ заслужить ваше благорасположеніе. Хотѣлъ предложить вамъ быть членомъ государственнаго совѣта, но весь его составъ, быть можетъ, вамъ не симпатиченъ: тамъ все старики, а вы—человѣкъ молодой. Наконецъ, государь, нашелъ для васъ самую подходящую службу, на которой вы можете составить себѣ самую блестящую карьеру.

Баронъ вытаращилъ глаза.

— Да-съ,—продолжалъ Дубельтъ, невозмутимо серьёзно,—на этой службѣ при счастьѣ, да съ вашими способностями, вы, въ короткое время, можете заслужить георгіевскій крестъ и другіе знаки отличія.

— Что же это за служба?—спросилъ баронъ въ недоумѣніи.

— Рядовымъ въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ!—отрѣзалъ Дубельтъ серьёзно.

Юный либералъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Черезъ недѣлю вы туда отправитесь,—досказалъ Дубельтъ,— а до тѣхъ поръ поживите у насъ. Всѣ ваши распоряженія по имуществу будутъ исполнены въ точности.

Отправленный въ Оренбургъ рядовымъ, баронъ прожилъ тамъ годъ; потомъ былъ прощенъ и изъ солдатской шинели вышелъ шелковый.

Въ началѣ 1850 годовъ, жилъ въ Петербургѣ извѣстный всей столицѣ богачъ домостроитель Григорій Ивановичъ Р—зе, нажившій себѣ разными искусными денежными оборотами громадное со-

стояніе. Затѣявъ постройку дома на обширномъ участкѣ самаго бойкаго, лучшаго мѣста въ столицѣ (набережная Мойки у Полицейскаго моста, Кирпичный переулокъ, Большая Морская), Р—зе, по тогдашнимъ правиламъ, представилъ, планъ дома на высочайшее одобрѣніе. Планъ былъ одобренъ, но государь пожелалъ узнать, кто такой домовладѣлецъ, и какими путями могъ онъ пріобрѣсти милліоны. Біографія Р—зе, дѣйствительно, наводила на сомнѣніе: лѣтъ за десять передъ тѣмъ онъ былъ смотрителемъ одного изъ столичныхъ театровъ. Для объясненій Р—зе былъ приглашенъ къ Дубельту. Это приглашеніе опечалило и озаботило Григорія Ивановича: ему было крайне затруднительно дать правительству отчетъ въ пріобрѣтеніи своихъ громадныхъ капиталовъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ онъ никогда замѣшанъ не былъ; «темненькія» случались. Выручить богача изъ его затруднительнаго положенія вызвался его другъ, отставной генералъ, У—нъ, родомъ грузинъ, извѣстный всему Петербургу своею храбростью, добротой и—простодушіемъ. Онъ поѣхалъ къ Дубельту ходатайствовать за Р—зе.

— Ты, батушка, Леонтій Васильевичъ, не безпокойся! началъ онъ. Мой Григорій Ивановичъ свои капиталы нажилъ честно, на службѣ. Онъ былъ смотрителемъ театра... Ну, понимаешь,—доходы: на лампы нужно, примѣрно сказать, пятьсотъ пудовъ масла—онъ показываетъ семь сотъ, дровъ нужно десять тысячъ саженъ, а онъ требуетъ — пятнадцать? Понимаешь? На лицо рабочихъ—сто, онъ беретъ жалованье на двѣсти... Ну, отъ ремонта, отъ подрядчиковъ, отъ того, сего... Словомъ сказать—все честно, я тебѣ, по чистой моей совѣсти, говорю!..

— Ай-да адвокатъ! покатился со смѣху Дубельтъ. Убѣлилъ паче снѣга! Да твоя защита, дружище, хуже всякого обвиненія!

Р—зе выручила его добрая жена: она объявила въ III Отдѣленіи, что мужъ единственно ей обязанъ всѣмъ громадныхъ своимъ состояніемъ.

Закончимъ наши воспоминанія разсказомъ, слышаннымъ нами отъ покойнаго артиста Ѳ. А. Бурдина, въ 1852 году, когда онъ только что начиналъ свое сценическое поприще.

Замѣшанный въ дѣлѣ Петрашевскаго, единственно, какъ его знакомый, едва ли что вѣдавшій о его заговорѣ, Бурдинъ, жившій тогда въ скромной квартиркѣ въ домѣ Жукова, на углу Гороховой и Большой Садовой, ночью былъ арестованъ и препровожденъ въ III Отдѣленіе.

«Я былъ ни живъ, ни мертвъ (разсказывалъ онъ намъ), когда меня длинными корридорами ввели въ особую комнату, предложили переодѣться и поужинать... До того мнѣ было! Я всю ночь глазъ не сомкнулъ. Утромъ подали мнѣ кофе, сигаръ, папиросъ, газеты и журналы. Комната чисто меблированная, комфортабельная, просто барская квартира въ сравненіи съ моей каморкой. Об-

хожденіе вѣжливое, почти ласковое; обѣдъ по моему выбору, съ виномъ и десертомъ. Если бы не мысль, неотвязная, какъ докучливая муха, что отсюда я могу попасть въ крѣпость, а тамъ и Богъ вѣсть куда—я назвалъ бы мое положеніе пріятнымъ — прошли два, три дня, недѣля: ни къ отвѣту меня не зовутъ, ни изъ-подъ ареста не выпускаютъ, а кормятъ и поятъ, какъ на убой. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, жандармскій офицеръ входитъ и приглашаетъ къ Леонтію Васильевичу.

— «Наше вамъ почтеніе, россійскій Колло д'Эрбуа [1]),—встрѣтилъ онъ меня, насмѣшливо кланяясь,—ты-то какъ въ эту гнусную исторію попалъ»?

«Я только руками развелъ.

— «Актеръ императорскихъ театровъ въ инсургенты, въ заговорщики полѣзъ? Вотъ, ваша братья — либералы, да революціонеры, выдумываютъ сказки, будто у насъ здѣсь розгами сѣкутъ... и тебя, Ѳедька, дѣйствительно стоило бы отпороть на обѣ корки. Вѣдь врешь, чтобы ты ничего не зналъ объ этомъ дурацкомъ заговорѣ?

— «Ей Богу ничего не зналъ! Если бы зналъ... то прервалъ бы свое знакомство.

— «Но не донесъ бы? усмѣхнулся Дубельтъ.

— «Боже сохрани! Вы бы сами первый назвали меня подлецомъ.

— «Что же намъ дѣлать съ тобой? Въ Сибирь, въ крѣпость, или на одиннадцатую версту? что поблѣднѣлъ? Ну, ступай съ Богомъ... махнулъ онъ рукой.

— «Куда ваше превосходительство?

— «Разумѣется, на всѣ четыре стороны: не держать же намъ тебя на хлѣбахъ, набрался страху, будетъ съ тебя... Но, только помни, Ѳедоръ, если, на бѣду, попадешься опять сюда...

«Тогда пойдетъ у насъ ужъ музыка не та»!

«Я вышелъ, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости».

Бурдинъ, дѣйствительно, былъ не виноватъ; но если бы Дубельтъ, какъ сложилось о немъ преданіе, былъ подобіемъ А. И. Ушакова, или Шешковскаго, то, конечно, не пощадилъ бы и праваго. Должность его, во многихъ случаяхъ, не допускала излишней, неумѣстной снисходительности, обязуя его къ строгости, подчасъ, даже къ жестокости; но когда онъ имѣлъ возможность проявить чувства человѣчности и состраданія, онъ ихъ всегда проявлялъ—и на подобные-то проблески мы именно и указали въ нашихъ разсказахъ.

П. Каратыгинъ.

---

[1]) Колло д'Эрбуа (Collot d'Hérbois 1750 † 1796) очень плохой актеръ, игравшій, однако, очень важную роль въ первую французскую революцію. Ярый демагогъ, много содѣйствовавшій сверженію Робеспьера.